— Вы выйдете за меня, синьорина Миронова. У вас нет выбора.
— Я скорее утоплюсь в вашем море, синьор Морелли.
Одна случайная встреча.
Одно наследство.
Один год, чтобы всё изменить.
Ласточка
для
миллиардера

Милана Панова

Ласточка для миллиардера

«Автор»

2026

Панова М.

Ласточка для миллиардера / М. Панова — «Автор», 2026

Студентка Дарья подрабатывает официанткой на яхте у берегов Амальфи и случайно знакомится с пожилым миллиардером Витторио Морелли. Всего пять минут разговора. А через три дня старик умирает и оставляет ей треть своей империи: отели на скалах, верфь, белоснежные яхты.Но с одним условием: за тридцать дней Дарья должна выйти замуж за его внука Данте. Холодный, властный наследник уверен, что она охотница за деньгами. Год под одной крышей. Брак только на бумаге.А в вещах покойной мамы Дарья находит старую фотографию: мама смеётся на террасе виллы Морелли. За год до рождения дочери.Кто в этой семье знает правду? И кто готов на всё, чтобы Дарья её не узнала?

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Шампанское за восемьсот евро. 5
Глава 2. Завещание 9
Глава 3. Ласточка 13
Глава 4. Условия 16
Глава 5. Поцелуй для фотографов 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Милана Панова
Ласточка для миллиардера

Шампанское за восемьсот евро.

Если бы мне год назад сказали, что я буду стоять на палубе сорокаметровой яхты у берегов Позитано в белой рубашке и с подносом в руках, я бы не поверила. Если бы сказали, что я буду мечтать, чтобы этот вечер поскорее закончился, не поверила бы тем более.

— Дарья, бокалы на корму, быстро! — прошипела Джина, проносясь мимо меня с таким лицом, будто на борту горит пожар. — И улыбайся. Ты не на похоронах.

Я улыбнулась. За эту улыбку мне платили сто двадцать евро за вечер, и этих денег хватало ровно на то, чтобы заплатить за комнату в Неаполе, где из окна видно только чужое бельё и кусочек неба размером с почтовую марку.

Закат заливал побережье расплавленным золотом. Солнце медленно опускалось к горизонту, и море под ним менялось каждую минуту: из лазурного становилось бирюзовым, потом медным, потом тёмно-сиреневым, как спелый инжир. Розовые, лимонные, терракотовые домики Позитано карабкались по отвесной скале, цеплялись друг за друга балконами и террасами, будто кто-то высыпал на склон коробку разноцветного драже. Купол церкви у самого пляжа, выложенный жёлтой и зелёной майоликой, вспыхивал в последних лучах, как шкатулка с драгоценностями. Над ним кружили чайки. С берега тянуло жасмином, нагретым камнем и солью, а в бухте покачивались белые лодки, и их тени лежали прямо на песчаном дне, такой прозрачной была вода.

Я третий год жила в Италии и до сих пор не привыкла к этой красоте. Она каждый раз била под дых.

Только смотреть на неё мне было некогда.

На палубе «Серены» собралось человек сорок. Женщины в шёлке, на котором не было ни одной складки. Мужчины в льняных рубашках, стоивших как моя годовая стипендия. Смех, звон бокалов, запах дорогих духов и солёного ветра. Говорили по-итальянски, по-английски, кто-то по-французски. Никто из них меня не видел. Я была частью интерьера, как белые диванные подушки или серебряные вёдра со льдом.

И это меня устраивало. Ровно до той секунды, когда яхту качнуло.

Волна от проходящего катера ударила в борт. Палуба ушла из-под ног. Поднос накренился, и бутылка Dom Pérignon, которую я несла к столу у кормы, выскользнула и опрокинулась прямо на мужчину, стоявшего ко мне спиной.

Пенная струя ударила ему в плечо и потекла по белоснежной рубашке.

Вокруг стало тихо. Не совсем, конечно, музыка продолжала играть, но мне показалось, что весь мир затаил дыхание.

Мужчина медленно обернулся.

Я видела много красивых итальянцев. Здесь красивых мужчин было больше, чем некрасивых, это знает каждая иностранка, прожившая в стране хотя бы месяц. Но этот был другим. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, небрежно откинутыми назад, и лицом, будто вырезанным из того же камня, что и статуи в моей академии. Резкие скулы, жёсткая линия губ, лёгкая щетина. И глаза. Не карие, как я ожидала, а светлые, серо-зелёные, холодные, как море в феврале.

Он посмотрел на свою рубашку. Потом на меня.

— Простите, — выдохнула я по-итальянски. — Пожалуйста, простите, яхту качнуло, я сейчас всё...

Я схватила салфетку и потянулась к его плечу. Он перехватил моё запястье. Не больно, но так, что я замерла.

— Не трогайте, — сказал он тихо. Голос был низким, ровным, без капли эмоций. — Вы и так сделали достаточно.

— Я заплачу за химчистку.

В уголке его губ мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Эта рубашка стоит больше, чем вы зарабатываете за месяц. А бутылка, которую вы вылили, восемьсот евро. Вы уверены, что хотите платить?

Щёки вспыхнули. Он сказал это не громко, но рядом стояли люди, и я услышала, как кто-то хихикнул.

— Тогда вычтите из моей зарплаты, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. Мама всегда говорила: «Дашенька, ты можешь быть бедной, но опускать голову ты не имеешь права». — Я отработаю.

Он несколько секунд рассматривал меня так, будто увидел что-то неожиданное. Потом отпустил моё запястье.

— Откуда вы?

— Из России.

— Конечно, — произнёс он так, будто это всё объясняло, развернулся и ушёл к трапу на нижнюю палубу, на ходу расстёгивая мокрую рубашку.

— Ты знаешь, кто это? — Джина вцепилась мне в локоть. Её лицо стало серым под слоем тонального крема. — Ты хоть понимаешь, на кого ты вылила шампанское?

— На мужчину, который считает, что все вокруг ему что-то должны.

— Это Данте Морелли! — простонала она. — Это его яхта! Это его вечер! Мы работаем на его семью, Дарья! Morelli Group, отели, верфь в Сорренто... О мадонна, нас больше никогда не позовут.

Я слышала эту фамилию. В Кампании её слышали все. Самый роскошный отель на скале в Равелло. Яхты, которые строят на верфи под Сорренто для арабских шейхов и американских звёзд. Ходили слухи, что половина побережья так или иначе принадлежит этой семье.

— Иди на камбуз и не показывайся, — приказала Джина. — Я поговорю с капитаном.

На камбуз я так и не дошла.

У лестницы, ведущей на верхнюю палубу, меня остановил грузный мужчина лет пятидесяти с красным лицом и расстёгнутым воротом рубашки. От него пахло виски.

— Bella, — протянул он, перегородив мне дорогу. — Куда ты так спешишь? Русская, да? Я слышал. Люблю русских девушек. Вы такие... сговорчивые.

— Пропустите, пожалуйста.

— А если не пропущу? — Его ладонь легла мне на талию и поползла ниже.

Я отшатнулась, но за спиной был поручень. Дальше только вода.

— Уберите руку.

— Сколько? — Он наклонился ближе, и меня замутило от запаха алкоголя. — Двести? Пятьсот? Я не жадный.

Я уже подняла руку, чтобы ударить его, и плевать, что меня уволят, но меня опередили.

— Риккардо.

Одно слово. Спокойное, почти ленивое. Но мужчина отдёрнул руку так, будто обжёгся.

Данте Морелли стоял в двух шагах от нас. Уже в другой рубашке, чёрной, с закатанными рукавами. На запястье поблёскивали часы.

— Данте, мы просто разговаривали, — пробормотал Риккардо.

— Мой водитель отвезёт тебя на берег. Катер у правого борта. Сейчас.

— Но...

— Сейчас, Риккардо. И передай отцу, что сделка по марине в Амальфи обсуждаться не будет.

Риккардо побагровел ещё сильнее, но ничего не сказал. Просто ушёл, задев меня плечом.

Я выдохнула. Руки дрожали, и я сжала их в кулаки, чтобы он не заметил.

— Спасибо, — сказала я.

Данте посмотрел на меня сверху вниз.

— Не благодарите. Я сделал это не ради вас. Мне не нужны скандалы на моей яхте. — Пауза. — А вам совет: если не хотите, чтобы мужчины предлагали вам деньги, не работайте там, где у мужчин много денег.

Я задохнулась от возмущения.

— То есть это я виновата?

— Я этого не говорил.

— Вы сказали именно это. — Голос сорвался, но я продолжила: — Знаете, синьор Морелли, я работаю здесь, потому что мне нужно платить за учёбу и за жильё. Я не продаюсь. Ни за пятьсот евро, ни за пять тысяч, ни за всю вашу яхту.

Несколько секунд он молчал. В его светлых глазах что-то изменилось, будто по поверхности льда прошла трещина.

— Посмотрим, — сказал он наконец и ушёл.

Посмотрим. Что он хотел этим сказать?

Я спряталась на корме, за надстройкой, где никого не было. Мне нужно было пять минут, чтобы перестать дрожать. Солнце уже село, небо стало лиловым, на берегу зажглись огни.

— Вам тоже здесь тесно, синьорина?

Я вздрогнула. В плетёном кресле у самого борта сидел старик. Я не заметила его сразу: он почти сливался с темнотой. Седые волосы, светлый льняной пиджак, трость с серебряным набалдашником. Лицо, изрезанное морщинами, но глаза живые, тёмные, внимательные.

— Простите, я не хотела мешать.

— Вы не мешаете. Вы единственный человек на этой яхте, который не пытается мне что-то продать. — Он улыбнулся. — Принесёте старику воды? Без газа, без льда и, ради всего святого, без лимона.

Я принесла. Он сделал глоток и вдруг замер, глядя на мою шею.

На тонкой цепочке у меня висел мамин медальон. Серебряный, потёртый, с гравировкой: маленькая ласточка, раскинувшая крылья. Я никогда его не снимала.

— Откуда это у вас? — Голос старика изменился. Стал хриплым, напряжённым.

— Это мамино.

— Как зовут вашу мать?

Странный вопрос. Но в его взгляде было что-то такое, что я ответила.

— Анна. Анна Миронова. Она умерла два года назад.

Старик закрыл глаза. Его пальцы на набалдашнике трости побелели.

— Анна, — повторил он едва слышно. И добавил по-русски, с сильным акцентом, но правильно: — Ласточка.

У меня по спине побежали мурашки. Так меня в детстве называла мама. Ласточка. Никто больше в мире этого не знал.

— Вы знали мою маму? — прошептала я.

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент из темноты вышел Данте.

— Нонно, тебе пора отдыхать. Врач сказал не больше часа.

Дед. Этот старик был его дедом.

Данте перевёл взгляд на меня, и его лицо стало ещё холоднее.

— Опять вы. Что вам нужно от моего деда?

— Ничего, я просто принесла воды...

— Данте, — старик поднял руку. — Оставь девочку.

— Нонно, ты не знаешь, кто она. Сегодня она облила меня шампанским, а сейчас уже сидит рядом с тобой. Слишком много совпадений для одного вечера.

Витторио Морелли, а это мог быть только он, основатель империи, о котором писали все газеты Кампании, посмотрел на внука долгим тяжёлым взглядом.

— Ты прав, мальчик мой. Совпадений не бывает. — И, повернувшись ко мне, тихо сказал: — Как тебя зовут?

— Дарья.

— Дарья. Дарья Миронова. — Он кивнул, словно запоминая. — Прости меня, Дарья.

— За что?

Но он уже поднимался, опираясь на руку внука, и не ответил.

Через час Джина сообщила, что я уволена. Через два я сидела на пристани в Позитано и ждала последний автобус до Сорренто. Ноги гудели, в кармане было сорок евро, а в голове крутилось одно: «Ласточка». Откуда этот старик знал?

В час ночи, когда я наконец добралась до своей комнаты в Неаполе, телефон завибрировал. Незнакомый итальянский номер.

— Синьорина Дарья Миронова? — Мужской голос, сухой, официальный. — Вас беспокоит нотариальная контора Бальди, Амальфи. Мне очень жаль сообщать вам это так поздно. Сегодня ночью скончался синьор Витторио Морелли.

Я опустилась на кровать.

— Но я... я видела его несколько часов назад.

— Сердце. — Пауза. — Синьорина, вы упомянуты в завещании синьора Морелли. Ваше присутствие на оглашении в пятницу на вилле Морелли в Равелло обязательно.

— Здесь какая-то ошибка. Я видела его один раз в жизни.

— Ошибки нет, синьорина. Синьор Морелли внёс изменения в завещание три недели назад. И ваше имя стоит в нём первым.

Глава 2. Завещание

Вилла Морелли стояла на самом краю скалы над Равелло, будто хотела оттолкнуться и взлететь над морем.

Я поднималась к ней пешком от автобусной остановки, потому что такси стоило двадцать евро, а у меня их не было. Дорога петляла серпантином между лимонными садами, укрытыми от ветра навесами из каштановых жердей. Лимоны висели гроздьями, огромные, бугристые, размером с кулак, и такие жёлтые, что казались нарисованными. Стёртые каменные ступени уходили вверх между белыми стенами, по которым свешивались плети малиновой бугенвиллеи. В просветах между кипарисами то и дело открывалось море, бескрайнее, синее, в серебряной ряби, и по нему медленно ползли крошечные белые яхты. Воздух был таким густым от запаха цитрусов и разогретой хвои, что кружилась голова. Или голова кружилась от страха.

Я надела единственное приличное платье. Тёмно-синее, простое, купленное на распродаже в Неаполе два года назад для защиты курсовой. Волосы собрала в хвост. Мамин медальон спрятала под ворот.

Кованые ворота с вензелем «М» открылись раньше, чем я успела нажать на звонок. Значит, меня видели. Значит, ждали.

Дворецкий в сером костюме, пожилой, с непроницаемым лицом, провёл меня по аллее, обсаженной кипарисами. Они стояли ровным строем, тёмные и острые, как свечи, и пахли смолой. Между ними белели мраморные статуи, тронутые зеленоватым налётом времени: нимфы, богини, мальчик с раковиной у губ. В центре сада журчал фонтан с тремя дельфинами, и на дне его чаши блестели монетки. Розы, олеандры, кусты лаванды, над которыми лениво гудели пчёлы. А потом аллея закончилась, и передо мной открылась терраса.

Её словно подвесили между небом и морем. Каменная балюстрада, увитая бугенвиллеей, обрывалась прямо в пустоту, и далеко внизу лежало море, тёмно-синее у скал и прозрачно-голубое у горизонта, где оно сливалось с небом. Вдоль побережья, от Майори до самого Позитано, тянулись зелёные террасы виноградников, белые городки, прилепившиеся к камню, крошечные пляжи в каменных ладонях бухт. Над всем этим висела тёплая золотистая дымка. Я на секунду остановилась. Невозможно было не остановиться.

— Синьорина, — поторопил дворецкий. — Вас ждут.

Библиотека была размером с мою квартиру в Твери, где я выросла, умноженную на четыре. Полки до потолка, кожаные кресла, огромный камин, портрет над ним. Я сразу узнала человека на портрете. Витторио Морелли, лет на тридцать моложе, с той же прямой спиной и внимательными тёмными глазами.

В библиотеке было шесть человек. И все шестеро повернулись ко мне.

— Это она? — Женщина у окна даже не пыталась скрыть презрения. Лет пятьдесят пять, но выглядела на сорок: идеальная укладка, жемчуг на шее, чёрное платье, сидевшее так, будто его шили прямо на ней. Красивая. Холодная. Те же светлые глаза, что у Данте. — Боже мой. Я думала, она хотя бы будет... эффектной.

— Мама, — негромко сказал Данте.

Он стоял у камина, засунув руки в карманы. Чёрный костюм, чёрная рубашка. Траур. Под глазами залегли тени, будто он не спал все эти дни. На меня он не смотрел.

— Изабелла Морелли, — представил её нотариус, сухонький человечек в очках, поднимаясь из-за стола. — Мать синьора Данте. Синьора Кьяра Галли, дочь покойного. Её супруг, синьор Энцо Галли. Их сын, синьор Марко Галли. Прошу вас, синьорина Миронова, присаживайтесь.

Кьяра, полная женщина с заплаканным лицом, лишь кивнула. Её муж, седой, сутулый, с бокалом в руке, хотя было только одиннадцать утра, бросил на меня быстрый взгляд и отвернулся к окну.

А Марко улыбнулся. Он единственный улыбнулся мне в этой комнате.

Он был младше Данте, лет тридцати, и совсем на него не похож. Светловолосый, загорелый, с ямочками на щеках, в голубом пиджаке, который совсем не был похож на траур. Он поднялся и подвинул мне кресло.

— Не обращайте внимания на тётю Изабеллу, — шепнул он по-английски. — Она со всеми так. Даже с собственным отражением.

Я невольно улыбнулась в ответ. Данте у камина чуть заметно сжал челюсти.

Нотариус откашлялся и открыл папку.

Первые десять минут я почти не слушала. Виллы, счета, картины, благотворительный фонд. Изабелле — пожизненное право проживания на вилле и ежегодное содержание. Кьяре — дом в Сорренто и доля в доходах отелей. Цифры звучали такие, что у меня в голове не укладывалось.

Потом нотариус дошёл до главного.

— Контрольный пакет акций Morelli Group, включая сеть отелей, верфь «Morelli Nautica» и чартерную компанию, распределяется следующим образом. Внуку, Данте Альберто Морелли, сорок процентов. Внуку, Марко Витторио Галли, тридцать процентов.

Марко откинулся в кресле, и я заметила, как дёрнулся уголок его рта. Не от радости. От досады.

— Оставшиеся тридцать процентов, — нотариус поднял на меня глаза поверх очков, — синьорине Дарье Андреевне Мироновой, гражданке Российской Федерации.

Тишина. Абсолютная. Я слышала, как где-то в саду журчит фонтан.

Потом Изабелла рассмеялась. Коротко, страшно.

— Это шутка. Витторио выжил из ума.

— Синьор Морелли прошёл медицинское освидетельствование в день подписания, — невозмутимо ответил нотариус. — Документы прилагаются.

— Кто вы такая? — Кьяра впервые подала голос. Она смотрела на меня с ужасом, как на привидение. — Кто вы такая моему отцу?

— Никто, — прошептала я. — Клянусь, я видела его один раз. На яхте. Пять минут.

— Пять минут, — повторила Изабелла. — За пять минут она получила то, что мой муж строил двадцать лет. Талантливая девочка.

— Я ничего у него не просила!

— Прошу тишины, — нотариус поднял ладонь. — Я не закончил. Завещание содержит условие.

Он перевернул страницу.

— «Доля синьорины Мироновой переходит к ней в полное владение при условии, что в течение тридцати дней с момента оглашения настоящего завещания она вступит в законный брак с моим внуком Данте Альберто Морелли. Супруги обязаны проживать под одной крышей на вилле Морелли в Равелло не менее одного года. Брак не может быть расторгнут ранее этого срока. В случае отказа синьорины Мироновой или синьора Данте Морелли, а также при нарушении любого из условий, доля в тридцать процентов переходит к моему внуку Марко Витторио Галли».

Я перестала дышать.

Замуж. За него.

Я подняла глаза на Данте. Он наконец смотрел на меня. Его лицо было белым, как мрамор камина за его спиной, а в глазах полыхало что-то такое, от чего мне захотелось вжаться в кресло.

— Шестьдесят процентов, — негромко произнёс Марко, и в его голосе не было ни капли прежней мягкости. — Если она откажется, у меня шестьдесят процентов. Контроль над компанией.

— Она не откажется, — бросила Изабелла. — Посмотри на неё. Она ради этого и залезла к Витторио на яхту.

— Я не...

— Сколько вам заплатили? — Данте шагнул ко мне. Голос был тихим, и от этого ещё страшнее. — Кто? Кто вас прислал?

— Никто меня не присылал!

— Мой дед за месяц до смерти меняет завещание в пользу русской студентки, которую никто из нас не видел. Потом эта студентка случайно оказывается на моей яхте. Случайно обливает меня шампанским. Случайно оказывается рядом с ним на корме. И через несколько часов он умирает. — Он наклонился ко мне, упираясь руками в подлокотники кресла. Я чувствовала запах его парфюма, кедр и что-то горькое. — Вы правда думаете, что я поверю в такое количество случайностей?

Меня затрясло. От обиды, от несправедливости, от того, что все в этой комнате смотрели на меня как на воровку.

— Отойдите от меня, — сказала я.

Он не отошёл.

— Отойдите, — повторила я громче. — Мне не нужны ваши деньги. Ни ваши акции, ни ваша верфь, ни вы сами. Я отказываюсь.

Я встала, и ему пришлось выпрямиться. Мы оказались очень близко. Я едва доставала ему до подбородка.

— Синьорина, — забеспокоился нотариус, — вы не обязаны решать прямо сейчас. У вас есть тридцать дней.

— Мне не нужно тридцать дней. Мне не нужно ничего от этой семьи.

Я развернулась и пошла к двери. Спина горела от взглядов. Только у самого выхода я услышала, как Марко тихо засмеялся.

— Браво, — сказал он. — Самая разумная девушка на побережье.

Я почти бежала по кипарисовой аллее. Слёзы застилали глаза, и я злилась на себя за эти слёзы. Не здесь. Не перед ними.

— Синьорина Миронова!

Он догнал меня у самых ворот. Схватил за локоть и развернул к себе.

— Отпустите!

— Выслушайте меня. Одну минуту.

Данте тяжело дышал, будто бежал. Злость на его лице сменилась чем-то другим. Расчётом.

— Если вы откажетесь, Марко получит контроль над компанией. Через полгода он продаст верфь китайцам, отели раздробит и пустит с молотка, а восемьсот человек, которые работают на мою семью, окажутся на улице. Мой дед строил это шестьдесят лет. Я не позволю это разрушить.

— Это ваши проблемы, синьор Морелли.

— Теперь и ваши. — Он сунул мне в руку визитку. Плотный картон, тиснение, только имя и номер. — Я не знаю, кто вы, и не знаю, во что вы играете. Но вы позвоните мне. Раньше, чем думаете.

— Не позвоню.

— Позвоните, — сказал он спокойно. — Вы сами не знаете, во что ввязались, когда поднялись на ту яхту.

Ворота за мной закрылись с тяжёлым металлическим лязгом.

Я спускалась по дороге среди лимонных деревьев и вдруг почувствовала, что на меня смотрят. Обернулась.

В окне второго этажа виллы стоял человек. Седой, сутулый, с бокалом в руке. Энцо Галли. Тот самый, что за всё оглашение не сказал ни слова.

Он смотрел не на меня. Он смотрел на мою шею, туда, где из-под ворота платья выскользнул мамин медальон с ласточкой.

И даже отсюда, с дороги, я увидела, как бокал выпал у него из рук.

Глава 3. Ласточка

За три дня моя жизнь развалилась, как карточный домик.

В понедельник позвонили из академии. Секретарь, синьора Ферри, которая всегда угощала меня карамельками и называла «наша русская звёздочка», говорила со мной так, будто я была заразной.

— Фонд, который оплачивал вашу стипендию, прекратил финансирование, синьорина. С сегодняшнего дня.

— Какой фонд? Я выиграла конкурс академии. Грант для иностранных студентов.

Пауза. Шуршание бумаг.

— Конкурс проводила академия, синьорина. А деньги на ваш грант давал частный фонд. Fondazione Rondine.

Rondine. По-итальянски «ласточка».

Я медленно опустилась на подоконник.

— Кому принадлежит этот фонд?

— Синьорина, я не вправе... — Она понизила голос. — Его учредил синьор Витторио Морелли. Мне очень жаль. Если до конца месяца вы не оплатите семестр, вас отчислят. А без учёбы, вы же понимаете, вам не продлят визу.

Он платил за меня. Три года.

Я вспомнила, как всё начиналось. Мне было семнадцать, когда я впервые увидела фотографии отреставрированных фресок Помпей и поняла, чем хочу заниматься всю жизнь. В Твери не было ни одного человека, который мог бы мне помочь. Поэтому я всё делала сама. Учила итальянский по библиотечным учебникам, видеоурокам и фильмам с субтитрами, выписывая незнакомые слова в толстую клетчатую тетрадь. Вечерами после смен в кофейне на Трёхсвятской рисовала: гипсовые головы, натюрморты, копии старых мастеров. Ездила в Москву сдавать экзамен по языку на ночном автобусе, потому что на поезд не хватало денег.

Потом нашла на сайте академии в Неаполе конкурс: два гранта для иностранных студентов, полная оплата обучения и стипендия. Я собрала портфолио из сорока работ. Мотивационное письмо переписывала четырнадцать раз, пока каждое слово в нём не стало правдой. На собеседовании по видеосвязи так волновалась, что забыла, как по-итальянски будет «кисть», и объясняла жестами. А через два месяца пришло письмо: из трёхсот заявок выбрали меня. Я перечитывала его до утра и плакала.

Я заслужила этот грант. Я была в этом уверена. А теперь оказалось, что деньги на него давал человек, который знал мою маму. Случайно ли выбрали именно меня? Или он увидел в списке заявок фамилию Миронова и всё решил ещё тогда?

Мама умерла через полгода после моего отъезда. Так и не объяснив, почему побледнела, когда впервые услышала от меня слово «Неаполь».

Во вторник хозяйка квартиры, синьора Эспозито, постучала ко мне в восемь утра.

— Дом продан, — сказала она, не глядя мне в глаза. — Новый владелец делает ремонт. У тебя неделя.

— Кто купил дом?

Она пожала плечами, но я видела, что она знает. И боится.

В среду мне отказали в двух кафе, куда я пришла на собеседование. В одном просто сказали, что место занято. Во втором хозяин, пожилой неаполитанец, который ещё неделю назад сам предлагал мне работу, отвёл меня в сторону и прошептал:

— Девочка, я не знаю, кому ты перешла дорогу. Но мне позвонили. Я не могу.

Я шла по виа Толедо в толпе туристов, мимо витрин с пиццей и сфольятеллой, мимо уличных музыкантов, и мне казалось, что весь город смотрит на меня. Кто-то методично перекрывал мне кислород. Квартира, работа, учёба. Кто-то хотел, чтобы у меня не осталось ничего.

Данте. Это мог быть только он. «Вы позвоните мне раньше, чем думаете». Он загонял меня в угол, чтобы я приползла и согласилась.

Я сжала в кармане его визитку так, что картон врезался в ладонь. Не дождётся.

В четверг вечером в мою дверь позвонили.

На пороге стоял Марко Галли с огромным букетом белых пионов. В моём облупленном коридоре с велосипедом соседа и запахом жареного лука он смотрелся как принц, перепутавший сказку.

— Можно? — Он обезоруживающе улыбнулся. — Обещаю не кусаться. В отличие от моего кузена.

Я впустила его. Не знаю почему. Может, потому что за последние три дня он был первым, кто мне улыбнулся.

Он оглядел мою комнату: узкую кровать, стол с красками и кистями, мои эскизы фресок, приколотые к стене, крошечное окно. И ничего не сказал. Это мне понравилось.

— Я слышал о ваших неприятностях, — начал он, когда я поставила пионы в банку из-под огурцов, другой вазы у меня не было. — Мне очень жаль. Это почерк Данте. Когда ему что-то нужно, он не церемонится.

— Я так и подумала.

— Вы ему нужны, Дарья. Точнее, ему нужна ваша подпись в загсе. А потом через год вы ему будете не нужны. — Марко сел на единственный стул, закинув ногу на ногу. — Я пришёл предложить вам другой вариант.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист и положил на стол.

— Это официальный отказ от наследства. Подписываете его у нотариуса Бальди завтра утром. А я, в знак благодарности за вашу разумность, перевожу вам двести тысяч евро. Сегодня. Прямо сейчас.

Двести тысяч. Я могла бы заплатить за учёбу. Снять нормальную квартиру. Помочь бабушке в Твери, которой нужна операция на глазах. Я могла бы забыть о деньгах на годы вперёд.

— Почему завтра? — спросила я. — У меня есть тридцать дней.

Улыбка Марко не дрогнула, но глаза на секунду стали другими. Колючими.

— Потому что за тридцать дней Данте сломает вас, Дарья. Поверьте, я знаю его всю жизнь. Я хочу избавить вас от этого.

— Как благородно.

— Я вообще благородный человек. — Он рассмеялся и встал. — Подумайте до утра. Мой номер на обороте.

У двери он вдруг обернулся и посмотрел на меня долгим взглядом. На мои волосы, на лицо, на руки.

— Знаете, ваша мать тоже была умной женщиной, — сказал он мягко. — Она уехала вовремя. Надеюсь, это у вас семейное.

Дверь закрылась.

Я стояла посреди комнаты, и у меня стучали зубы, хотя вечер был душным.

Ваша мать. Откуда он знал о моей матери? Я никому не рассказывала. На оглашении назвали только моё имя. Только моё.

Я бросилась к шкафу и вытащила с верхней полки коробку из-под обуви. Мамины вещи. Всё, что я привезла с собой из Твери после похорон: её письма, пару открыток, тетрадь с рецептами, шарф, который ещё пах её духами. Я перебирала их тысячу раз. Но никогда не искала.

В этот раз я вытряхнула всё на кровать. Прощупала подкладку коробки. Пролистала тетрадь с рецептами, страницу за страницей. И когда я уже почти сдалась, из-под обложки, где картон отошёл от переплёта, выскользнула фотография.

Цветная, чуть выцветшая, с загнутым уголком.

На ней была мама. Совсем молодая, лет двадцати пяти, в лёгком белом платье, с распущенными светлыми волосами. Она смеялась, запрокинув голову. За её спиной клубилась малиновая бугенвиллея, а дальше, внизу, лежало синее-синее море.

Я знала эту террасу. Я стояла на ней три дня назад.

Вилла Морелли.

Я перевернула фото дрожащими пальцами. На обороте маминым почерком, круглым, аккуратным, было написано: «Равелло, июль 2002. Самое счастливое лето».

Я родилась в апреле 2003-го.

Мама всю жизнь говорила мне, что никогда не была за границей. Что в девяносто восьмом вышла замуж за моего отца, Андрея, инженера, что он погиб в аварии, когда мне не было и года. Что Италия для неё — только картинки в журналах. Когда я сказала ей, что еду учиться в Неаполь, она побледнела и неделю со мной не разговаривала.

Я думала, она боится меня отпускать.

Я снова посмотрела на фотографию. Правый край был аккуратно отрезан ножницами. Кто-то стоял рядом с мамой, и его убрали. Остались только пальцы на её плече. Мужская рука. И на безымянном пальце — массивный перстень с тёмным камнем.

Мама врала мне. Всю жизнь.

Эта семья знала мою мать. Витторио знал. Марко знал. А значит, и Данте, скорее всего, тоже. И все они смотрели на меня в той библиотеке и молчали.

Двести тысяч евро и билет домой. Или правда.

Я взяла телефон. Достала смятую визитку. Набрала номер, который не собиралась набирать никогда.

Он ответил после первого гудка. Будто держал телефон в руке.

— Морелли.

— Это Дарья Миронова.

Пауза. Потом тихий, почти довольный выдох.

— Я же говорил.

— Не радуйтесь раньше времени. — Мой голос был на удивление твёрдым. — Я согласна выйти за вас замуж, синьор Морелли. Но у меня есть условия.

Глава 4. Условия

Он назначил встречу в своём кабинете на верхнем этаже «Палаццо Морелли», отеля в Равелло, где одна ночь стоила дороже, чем мой семестр в академии.

За мной прислали машину. Чёрный «Мазерати» с водителем, который открыл мне дверь так, будто я была принцессой, а не девушкой в джинсах и кедах с потёртыми носами. Я специально не стала наряжаться. Пусть видит, кого берёт в жёны.

Кабинет оказался неожиданно простым. Белые стены, стол из светлого дерева, панорамное окно во всю стену, за которым было только небо и море. Никакой показной роскоши. Только на стене висела старая фотография в рамке: верфь, остов строящейся яхты и молодой Витторио с рукавами, закатанными до локтей.

Данте стоял у окна спиной ко мне. Без пиджака, в белой рубашке, рукава закатаны, как у деда на фото.

— Садитесь, — сказал он, не оборачиваясь. — Кофе?

— Нет. Давайте сразу к делу.

Он обернулся. Окинул меня взглядом с головы до ног, задержался на кедах. Мне показалось, что уголок его губ дрогнул.

— К делу так к делу. Ваши условия.

Я села, положила руки на стол и сцепила пальцы, чтобы они не дрожали. Я репетировала это всю ночь.

— Первое. Раздельные спальни. Никаких... супружеских обязанностей. Наш брак только на бумаге.

— Принято.

Он ответил так быстро, что мне стало почти обидно. Я тут же разозлилась на себя за эту обиду.

— Второе. Через год мы разводимся. Я продаю вам свою долю по рыночной цене, и вы больше никогда обо мне не услышите.

— Принято. — Он чуть прищурился. — Я ожидал, что вы попросите больше.

— Третье. — Я подняла на него глаза. — Вы прекращаете уничтожать мою жизнь. Вы возвращаете мне стипендию, оставляете в покое мою квартирную хозяйку и звоните всем хозяевам кафе в Неаполе, которых запугали.

Данте медленно сел напротив.

— Повторите.

— Не делайте вид, что не понимаете. Меня лишили учёбы, жилья и работы за три дня. Кто, кроме вас, мог это сделать?

— Синьорина Миронова. — Его голос стал очень тихим. — Я не воюю со студентками. Если бы я хотел вас сломать, я бы не стал покупать дом вашей хозяйки. Я бы просто подождал, пока закончатся тридцать дней, и встретил вас в суде.

— Тогда кто?

Он не ответил. Но я увидела, как напряглась его челюсть. Он подумал о том же, о ком и я.

— Я разберусь, — сказал он наконец. — Ваш семестр будет оплачен сегодня. Из моих личных средств, не из фонда. Если хотите, оформим как заём, раз вы такая гордая.

— Хочу.

— Я так и думал. — Теперь он точно усмехнулся. — Что ещё?

Я помедлила. Потом достала из сумки фотографию. Положила на стол и подвинула к нему.

— Четвёртое. Вы поможете мне узнать правду о моей матери.

Он взял снимок. Посмотрел. И я увидела, как изменилось его лицо. Совсем чуть-чуть, на долю секунды, но изменилось.

— Это наша терраса.

— Да. Июль две тысячи второго. Мама всю жизнь говорила, что никогда не была в Италии. Я родилась через девять месяцев после этого лета. Ваш дед узнал мамин медальон, хотя видел его впервые за двадцать лет. Он назвал меня Ласточкой, так звала меня только мама. Он оплачивал мою учёбу через фонд, названный в честь этой ласточки. А потом оставил мне треть своей компании. — Я перевела дыхание. — Вы правда думаете, что я ничего не хочу знать?

Данте долго смотрел на фотографию. На отрезанный край. На мужскую руку с перстнем.

— Мне было десять лет в то лето, — сказал он медленно. — Я почти не помню. Помню, что в доме было много гостей. Помню, что мы с отцом каждый день выходили в море. — Он вернул мне снимок. — Отец погиб через три года. Яхта перевернулась в шторм у Капри.

— Мне жаль.

— Не нужно. Это было давно. — Он помолчал. — Я ничего не знаю о вашей матери, Дарья. Но если мой дед считал, что должен вам треть компании, значит, он считал, что моя семья перед вами в долгу. А Морелли платят долги. Я помогу.

Впервые он назвал меня по имени. Просто Дарья, без «синьорины Мироновой». И от этого почему-то перехватило горло.

— Теперь мои условия, — сказал он, откидываясь в кресле. Деловой тон вернулся, будто ничего не было. — Первое. Свадьба через десять дней. Скромная, только семья и несколько партнёров. Но с фотографами. Пресса должна увидеть, что Морелли женится по любви, а не по завещанию. Акционеры нервничают.

— По любви, — повторила я.

— Второе. Вы переезжаете на виллу сразу после свадьбы. На людях мы влюблённая пара. Вы держите меня за руку, улыбаетесь моим партнёрам и не спорите со мной при свидетелях.

— А наедине?

— Наедине можете спорить сколько угодно. — Он чуть наклонился вперёд. — Третье. Никаких других мужчин. Ни одного. Весь этот год.

— А для вас это правило тоже действует?

Наши глаза встретились. Что-то вспыхнуло в воздухе между нами, как искра над газовой конфоркой.

— Действует, — сказал он тихо.

— И четвёртое? — Я старалась говорить ровно.

— Четвёртое. Держитесь подальше от Марко.

— Он единственный в вашей семье, кто был ко мне добр.

— Именно поэтому. — Данте встал и протянул мне руку через стол. — Договорились, будущая синьора Морелли?

Я смотрела на его ладонь. Широкую, загорелую, с небольшим шрамом у большого пальца. Потом вложила в неё свою.

Его пальцы сомкнулись, тёплые и сильные. Он не отпускал мою руку на секунду дольше, чем нужно для делового рукопожатия.

— И ещё, — сказал он. — На людях вам придётся смотреть на меня так, будто вы в меня влюблены. Справитесь?

— А вы?

— Я хороший актёр.

— Я тоже, — соврала я.

Следующие десять дней превратились в водоворот.

Ко мне приставили Лючию, стилиста семьи Морелли, миниатюрную неаполитанку лет сорока с хриплым голосом и манерами генерала. В первый же день она оглядела мой гардероб, состоявший из трёх джинсов, пяти футболок и одного синего платья, и перекрестилась.

— Мадонна мия. Нам предстоит много работы.

Мы объездили бутики на виа Кайа в Неаполе и маленькие ателье на Капри, где платья шили вручную и не вешали на них ценники. Если ты спрашиваешь, сколько стоит, значит, ты не можешь себе этого позволить. Я перестала спрашивать на второй день, когда случайно увидела счёт за пару туфель и чуть не упала в обморок.

Шёлк, кашемир, лён цвета слоновой кости. Сандалии ручной работы. Солнечные очки, которые стоили как мой билет домой. Мне подстригли волосы так, что они легли мягкой светлой волной до плеч. Мне сделали маникюр, впервые в жизни. Мне подобрали духи, лёгкие, с нотами нероли и морской соли.

И однажды вечером, на седьмой день, я подошла к большому зеркалу в примерочной и не узнала себя.

Из зеркала на меня смотрела молодая женщина в белом шёлковом платье, с открытыми плечами и прямой спиной. Она была красива. По-настоящему красива. И она была похожа на маму с той фотографии так сильно, что у меня защипало в глазах.

— Bellissima, — выдохнула Лючия. — Синьор Данте потеряет голову.

— Синьору Данте всё равно, — ответила я. — У нас деловое соглашение.

Лючия посмотрела на меня с такой жалостью, с какой смотрят на детей, которые ещё верят в Деда Мороза.

Накануне свадьбы меня привезли на виллу. Моя комната оказалась в восточном крыле. Огромная, светлая, с кроватью под балдахином, ванной из мрамора и балконом, с которого было видно всё побережье. Комната Данте, как мне сообщил дворецкий Чезаре, находилась в западном крыле. На противоположном конце дома.

Вечером я вышла на балкон. Солнце уже село, и небо над морем медленно гасло, переливаясь от персикового к лиловому, а потом к глубокому чернильно-синему. Одна за другой зажигались звёзды. Внизу, вдоль побережья, вспыхивали огни: золотая россыпь Минори, чуть дальше Майори, мигающий маяк на мысу. В море покачивались фонарики рыбацких лодок, а от луны по воде тянулась широкая серебряная дорожка, от самого горизонта до подножия скалы. Пахло ночным жасмином, который оплетал перила, и нагретым за день камнем. В саду без умолку пели цикады, будто кто-то завёл тысячу крошечных часов.

Я стояла, держась за прохладные перила, и думала: мама видела это небо. Где-то здесь, на одной из этих террас, она смеялась на той фотографии.

Я разбирала вещи, когда в дверь постучали.

На пороге стояла Изабелла. В шёлковом халате, с бокалом красного вина. Без макияжа она выглядела старше и уставшей.

— Не помешаю?

— Нет. Проходите, синьора.

Она не вошла. Осталась стоять в дверях, рассматривая меня, мою новую стрижку, моё новое платье.

— Лючия хорошо поработала, — сказала она. — Почти можно поверить.

— Во что?

— В то, что вы одна из нас. — Она сделала глоток вина. — Я пришла дать вам совет, Дарья. Единственный. Бесплатно.

Я молча ждала.

— Эта комната, — Изабелла обвела взглядом стены, балдахин, балкон, — двадцать четыре года назад здесь жила другая русская девушка. Тоже светловолосая. Тоже очень красивая. Тоже думала, что всё понимает.

Сердце пропустило удар.

— Что с ней случилось?

Изабелла улыбнулась. Медленно, без единой капли тепла.

— Однажды ночью она исчезла. Утром её комната была пуста, а её вещи остались в шкафу. Никто так и не узнал, куда она делась. — Она развернулась, чтобы уйти, и бросила через плечо: — Спокойной ночи, невеста. Запирайте дверь на ключ. В этом доме не все рады гостям.

Глава 5. Поцелуй для фотографов

Я выходила замуж в субботу, в десять утра, в старинном зале мэрии Равелло с фресками на потолке и окнами, распахнутыми прямо в лимонный сад.

Утро было таким ясным, что казалось хрустальным. Над Равелло плыл колокольный звон собора, и эхо катилось вниз по склонам, к самому морю. На маленькой площади перед мэрией цвели в кадках лимонные деревья, старик в соломенной шляпе кормил голубей, а за каменной оградой старинных садов поднимались зонтики пиний и башня, увитая плющом. Море внизу ещё не проснулось: над ним стелилась нежная утренняя дымка, и сквозь неё едва угадывался силуэт далёкого мыса. Если бы это была моя настоящая свадьба, я не могла бы пожелать места красивее.

На мне было платье, которое Лючия выбирала три дня. Не пышное, не кружевное, без единого кристалла. Простой силуэт из тяжёлого шёлка цвета сливок, открытые плечи, длинная спина на тонких пуговицах, обтянутых тканью. Волосы забрали в низкий узел, оставив несколько прядей у лица. Вместо фаты Лючия вплела мне в причёску живую веточку цветущего жасмина.

— Чтобы пахла как невеста, а не как витрина, — сказала она и впервые за десять дней поцеловала меня в щёку.

Мамин медальон я надела поверх платья. Пусть видят. Пусть все видят.

Меня некому было вести к жениху. Ни отца, ни брата, ни дяди. Я шла одна по проходу между рядами кресел, и пол казался бесконечным. Тридцать гостей. Тридцать пар глаз. Вспышки фотографов. Шёпот на итальянском, которого я не разбирала.

А потом я подняла голову и увидела его.

Данте стоял у стола регистратора в тёмно-синем костюме, и солнце из окна падало ему на плечи. Он смотрел на меня. Не так, как в кабинете, холодно и оценивающе. Не так, как на оглашении, с яростью. Он смотрел так, будто кто-то ударил его в грудь, и он забыл, как дышать.

Я остановилась рядом с ним. Он не сказал ни слова. Только взял мою руку, и я почувствовала, что его пальцы холодные.

— Ты нервничаешь? — шепнула я по-русски, не подумав.

— Я не понимаю по-русски, — так же шёпотом ответил он по-итальянски. — Но ответ — да.

Регистратор, полная синьора в очках с трёхцветной лентой через плечо, зачитывала статьи Гражданского кодекса. О взаимной верности. О моральной и материальной поддержке. О сотрудничестве в интересах семьи. Я слушала эти слова и думала, что это самая большая ложь в моей жизни. И почему-то мне было больно от этой лжи.

— Синьор Данте Альберто Морелли, согласны ли вы взять в жёны синьорину Дарью Миронову?

— Согласен.

Он произнёс это твёрдо, громко, не отрывая от меня глаз.

— Синьорина Дарья Миронова, согласны ли вы взять в мужья синьора Данте Альберто Морелли?

В зале стало тихо. Я вдруг увидела всех сразу. Изабеллу в первом ряду, прямую как стрела, в серебристом платье. Кьяру с платочком у глаз. Энцо, который не сводил взгляда с моего медальона. И Марко. Он сидел, закинув руку на спинку соседнего кресла, и улыбался. Он ждал, что я скажу «нет». Он почти хотел, чтобы я сказала «нет».

— Согласна, — сказала я.

Данте надел мне на палец кольцо. Тонкий ободок из белого золота с одним-единственным камнем, прозрачным, как капля морской воды. Аквамарин.

— Это кольцо моей бабушки, — сказал он так тихо, что услышала только я. — Дед просил отдать его моей жене.

Я не успела ничего ответить.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Мы оба знали, что этот поцелуй будет. Мы обсуждали его в кабинете, так же сухо, как пункты контракта. Фотографам нужна картинка. Акционерам нужна история любви. Короткий, красивый, приличный поцелуй.

Данте положил ладонь мне на щёку. Наклонился. Его губы коснулись моих, легко, почти невесомо.

А потом что-то случилось.

Он не отстранился. Его пальцы скользнули с моей щеки в волосы, и поцелуй стал другим. Медленным. Глубоким. Настоящим. Я ухватилась за лацкан его пиджака, потому что пол ушёл из-под ног, как тогда, на яхте. Я перестала слышать вспышки фотографов, шёпот гостей, собственное сердце. Остался только он, запах кедра, тепло его ладони на моём затылке.

Кто-то в зале зааплодировал. Мы отстранились одновременно, будто нас окатили холодной водой.

Данте смотрел на меня потемневшими глазами. Я смотрела на него и не могла вспомнить ни одного слова ни на одном языке.

— Для фотографов, — выдавил он наконец.

— Конечно, — кивнула я. — Для фотографов.

Праздник устроили на террасе виллы, когда солнце уже клонилось к закату. Длинный стол под белоснежной скатертью тянулся вдоль балюстрады, и на нём мерцали десятки свечей в высоких стеклянных колбах. Над головами висели гирлянды из лимонных веток, жасмина и белых роз. Небо над морем полыхало: сначала розовым, потом оранжевым, потом густым малиновым, будто кто-то пролил вино вдоль горизонта. Море под ним стало перламутровым, и по нему неспешно скользили парусники, возвращаясь в гавань Амальфи. Внизу, в бухте, на якоре стояла «Серена», вся в огнях, будто свадебный торт. А когда стемнело, вдоль всего побережья зажглись огоньки городков, и казалось, что звёзды упали с неба и зацепились за скалы.

Официанты разносили шампанское. Я поймала себя на том, что смотрю на них с сочувствием и думаю, сколько им платят за вечер.

Данте не отходил от меня ни на шаг. Его рука лежала у меня на талии, на открытой спине, и каждый раз, когда он чуть сдвигал пальцы, по коже бежали мурашки. Он представлял меня партнёрам из Милана и Монако, улыбался, шутил. Я никогда не видела его улыбающимся. Это было опасно. Когда он улыбался, он становился другим человеком. Человеком, в которого можно влюбиться.

Марко постучал вилкой по бокалу.

— Тост! — Он поднялся, обаятельный, загорелый, в светлом костюме. — За моего дорогого кузена, который всегда получает то, что хочет. И за его очаровательную жену, которая так быстро научилась хотеть того же. — Лёгкий смех за столом. Марко поднял бокал выше. — За любовь! Пусть она продлится... хотя бы год.

Смех стал неуверенным. Кто-то кашлянул. Данте рядом со мной окаменел.

Я поднялась, прежде чем он успел что-то сказать. Взяла свой бокал.

— Спасибо, Марко, — сказала я громко и улыбнулась ему самой нежной улыбкой, на какую была способна. — Ты прав, один год — это очень много. Хватит, чтобы узнать все семейные тайны. — Я повернулась к гостям. — За семью Морелли!

— За семью! — подхватили за столом.

Улыбка Марко застыла. Изабелла медленно поставила бокал. Энцо Галли пролил вино на скатерть.

Данте наклонился к моему уху.

— Что ты делаешь? — Впервые на «ты». Голос был хриплым.

— Не спорю с тобой при свидетелях, — прошептала я. — Пункт второй.

Он тихо засмеялся, и этот смех я почувствовала кожей.

Потом был первый танец. Старая неаполитанская песня, гитара и скрипка. Данте вёл уверенно, держа меня так близко, что я слышала стук его сердца. Слишком быстрый для делового соглашения.

— Ты хорошая актриса, — сказал он мне в волосы.

— Ты тоже.

Он промолчал. А его сердце продолжало колотиться под моей ладонью.

В какой-то момент, когда Данте увели партнёры, ко мне подошёл Энцо. Он был пьян, от него пахло граппой, глаза были красными.

— У тебя её глаза, — пробормотал он. — Господи. У тебя её глаза. Ты должна знать... Ты должна знать, что я...

— Энцо! — Кьяра возникла рядом, как из-под земли, и вцепилась ему в локоть с такой силой, что он поморщился. — Тебе пора спать, дорогой. Прости его, Дарья. Он очень тяжело переживает смерть папы.

Она увела его, и Энцо всё оглядывался на меня через плечо, пока они не скрылись в доме.

Гости разъехались за полночь. Данте проводил меня до дверей моей комнаты в восточном крыле. Мы постояли в полутёмном коридоре. Он смотрел на меня так, будто хотел что-то сказать.

— Спокойной ночи, синьора Морелли, — сказал он наконец.

— Спокойной ночи, синьор Морелли.

Он ушёл. Его шаги затихли где-то в западном крыле. Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и сползла на пол прямо в свадебном платье.

Что это было? Что, чёрт возьми, это было?

Я не могла уснуть. В три часа ночи, в длинной футболке и босиком, я пошла вниз, на кухню, за водой. Дом спал. Лунный свет падал через высокие окна на мраморный пол. Где-то тикали часы.

Из-под двери библиотеки пробивалась полоска света.

Я не собиралась подслушивать. Честное слово. Но я услышала своё имя.

— ...Дарья. Посмотри на неё, Изабелла, просто посмотри! Это её дочь. Её лицо. Её глаза. Витторио знал, он всё понял сразу, как только её увидел.

Голос Энцо. Совершенно трезвый.

— Замолчи. — Изабелла. Тихо, жёстко. — Ты пьян и не понимаешь, что говоришь.

— Я понимаю лучше, чем когда-либо за двадцать четыре года! Она имеет право знать, что произошло в ту ночь!

— Если она узнает, узнает и Данте. Ты этого хочешь? Чтобы мой сын узнал, что сделала его семья? Он не простит. Никого из нас. Ни меня, ни тебя, ни Кьяру.

— Витторио тоже хотел, чтобы она узнала. — Голос Энцо упал до шёпота. — И где теперь Витторио, Изабелла?

Тишина. Такая долгая, что я перестала дышать.

Под моей босой ногой скрипнула половица.

Голоса оборвались. Я услышала, как кто-то быстро идёт к двери. Ручка начала поворачиваться.

В ту же секунду сильная рука обхватила меня сзади за талию, другая зажала мне рот, и меня втащили в тёмную нишу за тяжёлой бархатной портьерой.

Я рванулась, но меня держали крепко.

— Тихо, — выдохнул мне в ухо знакомый голос. — Это я.

Данте.

Дверь библиотеки распахнулась. Полоса света легла на пол в метре от наших ног. Кто-то постоял на пороге, прислушиваясь. Потом дверь закрылась снова.

Данте медленно убрал ладонь с моих губ. В темноте я не видела его лица, но чувствовала, как часто он дышит. Как напряжено всё его тело.

Он слышал. Он слышал всё.

Я обернулась к нему. Лунный луч из окна упал на его лицо, и я впервые увидела в его глазах то, чего никак не ожидала увидеть у Данте Морелли.

Страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.